Master Negative
Storage Number

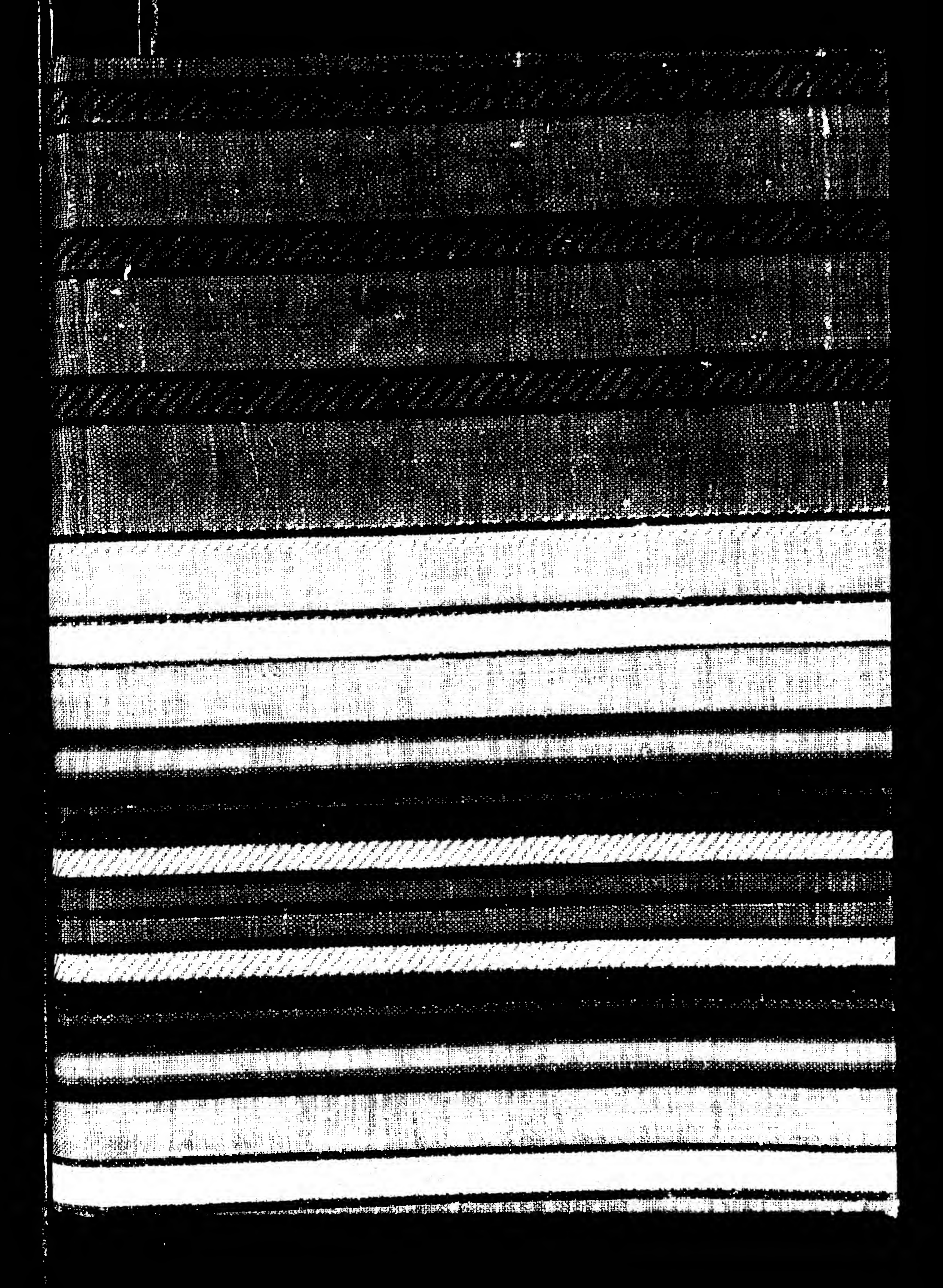
OCI00050.09

Khoroshemu voru -
vse vporu, ili, Gdie

Moskva

1894

Reel: 50 Title: 9

9 + 10

W 54

ХОРОШЕМУ ВОРУ—ВСЕ ВПОРУ

ИЛИ

ГДѢ ТОНКО, ТАМЪ И РВЕТСЯ.

Русская быль.

МОСКВА.
Изданіе Н. Н. Шарапова.
Дорогомил. мостъ, Бережк. ул., соб. домъ.
1894.

Дозволено цензурою. Москва, 30 декабря 1893 г.

Типогр. Д. И. Иноземцева, Арбатъ, д. Каринской.

Алексѣй Гавр[illegible]ов
Н[illegible]катовъ

Не помню, въ которомъ году это было, а только знаю, что было. Въ одной отдаленной отъ Москвы деревенькѣ жилъ мужичекъ съ своей женою; жена его баба изъ себя была такая маленькая, плюгавенькая, и не особенно того... т.-е. не очень чиста на руку: ужъ, бывало, ни въ жизнь не разстанется съ какимъ нибудь пустяшнымъ предметомъ, только бы гдѣ плохо лежало, особенно, напримѣръ, съ луковицей или съ водкой, и то ни за что не разстанется! Вотъ ужъ съ какими предметами съ горькими не разстаются люди, а за это, знаете, тошнѣе всего отвѣчать передъ закономъ. Все равно, что за курицу, то и за луковицу.

А мужикъ былъ красивый и умный, онъ нѣсколько лѣтъ все училъ ее, принимался

колотить почти каждый день и что ни что дѣлалъ онъ надъ ней—училъ уму-разуму; да нѣтъ! ничего не подѣлаешь,—упрямая баба.

Ужъ онъ пробовалъ и ласками уговаривать ее, разсказывалъ ей разныя поучительныя исторьицы и сказки,—хотѣлось ему вразумить ее. Вѣдь какъ-никакъ, а все таки жена законная, не лапоть, съ ноги не скинешь, а нужно цѣлый вѣкъ доживать; ну и хотѣлось ему немножко исправить ее. Да она больно мало его слушала.

Вотъ онъ думать да думать и наконецъ выдумалъ.

У нихъ въ деревнѣ былъ староста, звали его Илья Харитоновичъ; мужикъ онъ былъ, что называется, „первѣющій" во всемъ ихнемъ уѣздѣ, не только что въ волости, и умѣлъ онъ очень хорошо разсказывать, да и сказокъ-то зналъ не мало; а сказки все хорошія, поучительныя.

Вотъ къ нему-то и обратился этотъ мужикъ посовѣтоваться на счетъ своей жены,—разсказалъ ему все по душѣ. Тотъ, подумавъ немного, сказалъ ему:

— Ну, хорошо, любезный, я приду къ

тебѣ завтра утромъ и разскажу вамъ одну быль, которая ей пригодится, а больше я ничего не могу сдѣлать.

Мужикъ поблагодарилъ его за снисхожденіе и пошелъ къ себѣ, довольный тѣмъ, что если Илья Харитонычъ что разскажетъ, то слѣдуетъ всѣмъ знать, потому что онъ мужикъ очень хорошій и глупостей никакихъ никому въ жизнь не говорилъ.

На другой день, едва они проснулись, какъ къ нимъ вошелъ Илья Харитонычъ. Темнорусая окладистая борода его придавала ему видъ зажиточнаго купца, и онъ, всегда увѣренный въ своемъ значеніи, говорилъ всегда безъ обиняковъ.

— Эй, тетка,—закричалъ онъ помолившись Богу,—ты знаешь пословицу: хорошему вору все впору? али вотъ эту, къ примѣру, не слыхала ли: гдѣ тонко, тамъ и рвется?

Такими странными вопросами онъ бабу просто привелъ въ смущеніе и порядкомъ напугалъ, а потомъ уже гораздо ласковѣе сказалъ: ну, ладно, я это только къ примѣру сказалъ, а вы вотъ съ мужемъ-то послушайте-ка сказку, не то быль,—какъ эти

пословицы случились на самомъ дѣлѣ съ двумя родными братьями. Вѣдь вы знаете, я лгать не люблю и пустяковъ не разсказываю. И онъ началъ:

— Гдѣ тонко, тамъ и рвется, говоритъ пословица, а когда оборвется, тогда бѣда случается. А вѣдь бѣлый свѣтъ великъ и обширенъ. Въ немъ чего, чего не случается: гора съ горой не сходятся, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдутся. Эта пословица сначала произошла въ одномъ крестьянскомъ семействѣ, а если взять цѣлое общество, то въ немъ будетъ много семействъ, а въ цѣломъ Божьемъ мірѣ и еще больше, стало-быть люди другъ съ другомъ могутъ часто сходиться.

Вотъ послушайте, да подумайте, добрые люди, почему именно я и началъ вамъ говорить съ такой пословицы: хорошему вору все въ пору, или гдѣ тонко, тамъ и рвется. Вѣдь цѣлый-то вѣкъ прожить, не поле пройти за сохою. Много увидишь, самъ узнаешь не мало, да и добрыхъ людей уму-разуму поучишь, коли добрую душу имѣешь. Это только еще такъ, присказка, а хорошая сказка или быль будетъ впереди. Русскій

человѣкъ любитъ покалякать, да разныя рѣчи повести о томъ, о семъ, о другомъ, третьемъ, о пятомъ, десятомъ. Или просто отъ нечего дѣлать переливають изъ пустаго въ порожнее, а я, вѣдь, не такой человѣкъ, пустаковъ не люблю говорить. И начну вамъ разсказывать вещь хорошую, только слушайте!

Это дѣло было не за тридевять земель, не въ тридесятомъ государствѣ, а въ нашемъ русскомъ православномъ царствѣ. Не далеко отъ насъ въ небогатой деревенькѣ жилъ мужикъ Семенъ; онъ былъ отъ природы очень уменъ, и у него была жена, баба хорошая — не глупая. Да было у нихъ еще три сына хвата, — славные они были ребята, одного звали Иваномъ, другаго Захаромъ, третьяго — Максимомъ.

Они всѣ трое были почти родственники и выросли ужъ большіе, такъ что старшему было двадцать три года, среднему двадцать два, а младшему ровно двадцать. Но говорится пословица: въ семьѣ не безъ урода, и эта пословица оправдалась какъ разъ на младшемъ сынѣ Максимѣ.

Иванъ старшій братъ, какъ человѣку и слѣдуетъ быть, былъ добръ и уменъ, значитъ два хорошихъ угодья въ немъ. Онъ слушался совѣта добрыхъ людей и всегда старался больше слушать, меньше говорить, и все слышанное соображалъ въ умѣ въ своемъ, и что ему было пригодно изъ слышаннаго, онъ старался это никогда не забывать, а всегда содержалъ у себя на сердцѣ. Онъ лицомъ былъ похожъ на отца, ростомъ высокій, статный и красивый. При томъ съ хорошимъ умомъ и съ сердечною добротою, онъ рѣзко выдѣлялся изъ всѣхъ своихъ товарищей. Кромѣ этого онъ былъ мастеровой, портной; малый онъ былъ работящій, т.-е. трудолюбивый и способность громадную имѣлъ къ работѣ, что называется любого за поясъ заткнетъ. Онъ каждый разъ отправлялся послѣ Покрова на заработки въ чужую сторону и трудился всю зиму до самой Пасхи, не зная устали. Ходитъ, бывало, онъ изъ деревни въ деревню, изъ села въ село, ходитъ да посмѣивается; а работы ему всегда вволю, онъ и веселъ. Бывало гдѣ проживетъ недѣлю, гдѣ мѣсяцъ, а какъ если гдѣ попадется хорошая работа, такъ онъ прожи-

ветъ полгода. Ему и не думалось больше ни о чемъ. Какъ здоровъ да молодъ — безъ веселья веселъ, безъ призыва счастье и валитъ и ѣдетъ. Работа есть, да вдобавокъ спорится она, да еще и въ кошелекъ копѣйка, другая остается.

Теперь надо сказать нѣсколько словъ про другаго брата Захара, этотъ былъ нѣсколько похитрѣе перваго: у него бывало все разсчитано, да обдумано. Бывало скажетъ словечко, такъ поневолѣ расхохочешься, а какъ, бывало, начнетъ что нибудь разсказывать, такъ просто уши вянутъ, что твой соловей заморскій или котъ сибирскій, — откуда только слова берутся!... Похожъ онъ былъ на мать; ростомъ онъ былъ немного поменьше своего брата, да кромѣ того отъ природы одаренъ былъ такою способностью: какъ начнетъ говорить, то всегда лѣвымъ глазомъ подмаргиваетъ; какъ будто какую нибудь таинственную вещь знаетъ; такая привычка съ малолѣтства была, или отъ природы ужъ такъ, — Богъ его знаетъ, а ужъ такой насмѣшникъ былъ — просто страхъ! Такъ, бывало, и ловитъ кто совретъ что нибудь; тому,

бывало, прямо въ глаза правдой матушкой такъ и бухнетъ. Потомъ подхватилъ его слова, да и давай поднимать на смѣхъ; а то такъ просто срамить начнетъ, ругать примется на чемъ свѣтъ стоитъ; а тотъ не снесетъ его праведныхъ словъ покраснѣетъ, покорчится, почешетъ себѣ въ затылокъ, да и пойдетъ прочь, какъ не солоно хлебалъ. Подойдетъ другой,—онъ другого также, и подавай ему, бывало, хоть десять человѣкъ, всѣхъ осрамитъ и прослезитъ. И никто, бывало, съ нимъ сговорить не можетъ; ужъ такой былъ способный на счетъ языка, да насчетъ всякихъ задорныхъ насмѣшекъ, что другого такого и не подыщешь. Занимался же онъ по деревнямъ разною мелочною торговлею въ разноску. Это, значитъ, онъ накладетъ себѣ разныхъ мелкихъ вещей въ коробъ и понесетъ его на спинѣ по всѣмъ деревнямъ и селамъ продавать бабамъ, да дѣвкамъ молодымъ зубы заговаривать. У него все, бывало, есть, что требуется для деревни: шнурки, иголки, тесемочки, крючки, ленточки, булавочки, зеркальцы, разчески, гребешки, крестики, пуговицы, запонки, колечки, бусы самоцвѣтныя и перстенечки. Та-

кихъ торговцевъ-промышленниковъ въ деревнѣ обыкновенно называютъ коробочниками или коробейниками, какъ назвалъ ихъ знаменитый русскій народный поэтъ Некрасовъ въ своей прекрасной поэмѣ.

А вы бы вотъ почитали такія сочиненія, какъ повѣсти и разсказы Гоголя, пѣсни Кольцова, только не того Кольцова, который пѣсни поетъ, да хоръ пѣсенниковъ содержитъ,—нѣтъ! Это Кольцовъ былъ другой, воронежскій мѣщанинъ, сынъ прасола; онъ ужъ давно и умеръ, кажется въ 1842 г. Вотъ бы вы, напримѣръ, въ стихотвореніяхъ Некрасова и про коробейниковъ прочитали, какъ тамъ сказано:

Ой легка, легка коробушка,
Плечъ не рѣжетъ ремешокъ;
А взяла всего зазнобушка
Бирюзовый перстенекъ.

Такъ тотъ второй-то братъ былъ самымъ такимъ коробейникомъ. Заговоритъ бывало, забалагуритъ, такъ краснымъ дѣвушкамъ по-

неволѣ понравится—вѣдь они такихъ любятъ и начнутъ, бывало, у него всѣ его товары брать на перебой да на расхватъ, такъ одна у другой изъ рукъ и вырываютъ, словно дешевле и лучше его товара во всемъ бѣломъ свѣтѣ нѣтъ!

Такимъ-то манеромъ онъ и ѣздилъ, бывало, по всѣмъ деревнямъ и селамъ, объегоривалъ людъ честной на славу... Поѣздитъ, походитъ, бывало, съ мѣсяцъ, глядишь и съ деньгами.

Только говоритъ пословица: и на «Машку бываетъ промашка»; вотъ и онъ, наконецъ, достукался до хорошихъ дѣловъ, о которыхъ я вамъ намѣренъ разсказать, только дайте мнѣ сперва нѣсколько словъ про меньшаго брата сказать. Про этого я вамъ скажу прямо безъ дальнихъ прокламацiевъ и безо всякихъ разсужденiевъ и прикрасъ: онъ былъ ужъ очень упрямъ, все равно какъ иная упрямая лошадь: что заломитъ, то, бывало, и везетъ; заартачится и не пойдетъ, какъ лошадь—одно слово, изъ рукъ вонъ, да и все тутъ. Хватается, бывало, за все, а не сдѣлаетъ ровно ничего.

Мастерствомъ онъ былъ плотникъ, а на самомъ дѣлѣ онъ былъ только слава что плотникъ, и то скорѣе потому, что у него всегда торчалъ топоръ за поясомъ. И былъ онъ мужикъ, какъ говорится, ни рыба, ни мясо: тамъ перерубитъ, здѣсь недорубитъ. Такъ что иногда изъ цѣлаго бревна онъ не сдѣлаетъ и оглобли, просто веретено бабамъ ленъ прясть. Одно слово—ни съ чѣмъ пирогъ.

Вотъ жили они сперва—не тужили, когда поменьше были, а какъ выросли большіе, то отецъ и послалъ ихъ всѣхъ троихъ на чужбину деньги доставать.

Не долго думая, два старшихъ брата живо собрались въ дорогу; одинъ взялъ ножницы съ аршиномъ, а другой—свой завѣтный коробъ. Наконецъ на нихъ глядя и Максимъ помолился Богу, тоже отправился въ дорогу, — не спѣша, а помаленьку все идетъ своей тропой, разсуждая самъ съ собой.

Такъ или иначе,—вѣдь скоро сказка говорится, а на дѣлѣ иначе творится: разсуждая самъ съ собой и зашелъ онъ въ лѣсъ большой.

А надо вамъ сказать, что они раньше сговорились идти каждому въ свою сторону и чтобъ другъ другу не мѣшать. И вотъ они помолясь Богу распростились, какъ слѣдуетъ по братски, и пустились всѣ по разнымъ путямъ.

Разойтись, друзья, не важное дѣло, да только нужно, чтобъ было съ толкомъ, а если толку не будетъ, тогда ничего хорошаго не выдетъ, а выдетъ не дѣло, только мука: все равно, какъ лебедь, ракъ да щука съ поклажей возъ везти взялись и вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись. Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу все нѣтъ ходу. Поклажа для нихъ казалась и легка, да лебедь рвется въ облака, ракъ пятится назадъ, а щука тянетъ въ воду. Кто виноватъ, кто правъ судить не намъ, да только возъ и нынѣ тамъ. Вотъ какъ сказалъ дѣдушка Крыловъ о несогласныхъ товарищахъ. Такъ и здѣсь, только съ той разницей, что тамъ каждый изъ троихъ стремился, рвался къ тому, къ чему его создала природа, напр. лебедь хотѣлъ летѣть, а щука плавать; но здѣсь не было и природнаго-то побужденія и никакой обдуманной мысли, не было ни дороги, ни

пути, гдѣ бы долю свою, гдѣ бы счастье найти! Эхъ ты, горе!...

Вотъ эдакимъ-то манеромъ и отправились три брата родные — ребята не простые! а каждый себѣ на умѣ!

Максимъ, какъ былъ глупѣе всѣхъ и моложе, да вдобавокъ упримъ и гордецъ въ высшей степени, то разсуждалъ такимъ образомъ:

— Вѣдь я парень, то-ись, поискать еще такихъ. куда хочу — туда иду и вездѣ себѣ счастье найду. Да я одинъ куда хочешь дойду, не нужно мнѣ и проважатаго нанимать, вѣдь еще, слава Богу, не ослѣпъ! А топоръ у меня, одно слово от во, какой! что хочешь можно срубить, хоть четыре избы и то ничуть не затупится, а силой я тоже не обиженъ отъ Бога, значитъ живъ буду — не помру! замололо! то есть поѣхало! вонъ она штука-то? чего мнѣ робѣть? въ жизнь нигдѣ не пропаду и никого не уважу! на кой чертъ! да ежели, къ примѣру, не будь такихъ людей на свѣтѣ, какъ я, тогда чтобы стали люди дѣлать? а?

Вотъ такъ то разсуждалъ самъ съ собой и зашелъ онъ въ лѣсъ густой. Тутъ онъ

не долго разсуждалъ, легъ подъ кустикъ ночевать, ночь то была теплая, утромъ пошелъ дальше. И шелъ онъ такимъ манеромъ и не день и не два, а цѣлыя двѣ недѣли; но заработковъ нѣтъ, какъ нѣтъ! Какъ будто Божій міръ въ одно время обстроился, и точно всѣ избы, точно вчера покрыты стоятъ какъ ни въ чемъ не бывало и вѣку имъ нѣтъ! — Эхъ, горе, — думаетъ Максимъ: — дорога моя дальняя, нескладная, деньги почти всѣ, а я еще топора не вынималъ изъ за пояса. А впереди тоже неизвѣстно что будетъ, скоро-ль попаду на мѣсто, — гдѣ найду работы, а пить-ѣсть все таки надо, — вѣдь даромъ никто не напоитъ, не накормитъ: по миру идтить, Христа-ради просить — совѣстно, всякій осудитъ, скажетъ: „экой орясина ходитъ! работалъ-бы!“ что ты будешь дѣлать? не воровать же стать, пожалуй изъ за куска хлѣба душу замаран, а послѣ ложись, да умирай.

— Дуракъ, дуракъ, а разсуждалъ не глупо сказалъ мужикъ.

— Да онъ вовсе не дуракъ, а такой, понимаете, былъ упрямый да гордый и кромѣ того, слишкомъ много на себя надѣялся,

самонадѣянность тоже есть порокъ. Ну хоть, не совсѣмъ порокъ, а все-таки скверная штука!... Однако слушайте: Пришелъ это онъ въ одну деревню, спросилъ себѣ подъ окномъ у постоялаго двора крынку молока, да краюху хлѣба, сидитъ на завалинѣ и обѣдаетъ. Только вдругъ подходитъ къ нему старый-старичекъ странникъ. Головища вся сѣдая, бородища прегустая; подошелъ и говоритъ:

— Хлѣбъ да соль, добрый человѣкъ!

— Ѣдимъ да свой! — огрызнулся Максимъ.

— Далеко ли Богъ несетъ?

— А я самъ иду, — развѣ ты слѣпой?

— Ну куда же ты идешь, хорошій человѣкъ?

— Куда глаза глядятъ: а на что тебѣ?

— Да какъ же это такъ, — куда глаза глядятъ! это братецъ ты мой, довольно глупо, такъ только бѣшеныя собаки бѣгаютъ, — а человѣкъ ежели идетъ, то идетъ куда-нибудь по дѣлу и навѣрное куда нибудь придетъ.

Максиму пришла въ голову довольно глупая мысль: это онъ меня навѣрно учить вздумалъ! что же я ребенокъ что ли какой? И долго не думавши, сказалъ:

— Проваливай пожалуйста отсюда! Я тоже думаю и самъ не глупѣе тебя и не хуже твоего знаю куда иду и зачѣмъ; я тоже вѣдь не вчера родился! А тебѣ и не слѣдъ знать, куда я напримѣръ иду!

Старичекъ понялъ, что Максимъ обидѣлся на него, а потому, какъ человѣкъ набожный, со смиреніемъ сказалъ ему:

— Извини меня, ради Бога, любезный другъ, если я чѣмъ нибудь, хотя и неумышленно оскорбилъ тебя. А ты хоть сердись, хоть нѣтъ на справедливыя слова мои, но я по любви къ ближнему по неволѣ долженъ сказать тебѣ: всякій человѣкъ, который куда нибудь идетъ, или задумаетъ что сдѣлать, то долженъ поступать всегда обдуманно, а не зря! не думать о томъ, куда ему идти, тогда, когда онъ же идетъ. Человѣкъ только въ такомъ случаѣ и можетъ непреклонно стремиться къ цѣли, или къ мѣсту, гдѣ разсчитываетъ найти выгоду. А если не такъ, то иногда, случается, и радъ бы воротиться, да ужъ бываетъ поздно... Затѣмъ прощай, добрый человѣкъ, не поминай меня лихомъ, но помни мои слова, — онѣ справедливы и тебѣ пригодятся, если ты ихъ не забудешь!

Сказавъ эти слова, старичекъ поклонился Максиму и послѣдній разъ сказалъ еще „прощай! и помни мои слова, — я тебѣ говорю отъ души!“

Кажется, Максиму и надо бы было одуматься послѣ такихъ вразумительныхъ словъ странника, а онъ не тутъ-то было! — просто и ухомъ не поведъ! Знать, что ни рости сухому дереву, кормъ не впрокъ коню поджарому, не казаться юнымъ старому! — или такъ сказать, съ Максимомъ говорить, все равно, какъ горохъ къ стѣнѣ лѣпить.

Онъ даже и не взглянулъ путемъ на странника и слова его не произвели на него ни малѣйшаго впечатлѣнія и не вложили въ его глупую башку ни одной мысли о будущемъ.

Нахлѣбавшись до сыта, онъ даже презрителвно кивнувъ головой въ ту сторону, куда скрылся старикъ, и чуть не сказалъ: дуракъ! Потомъ, утершись рукавомъ и помолившись Богу, онъ обругалъ дворника на чемъ свѣтъ стоитъ за то, что онъ слишкомъ дорого слупилъ съ него за харчи.

И отправился себѣ дальше своимъ путемъ дорогою. Шелъ онъ опять довольно долго, а работы, словно на смѣхъ, нигдѣ не было. Да наконецъ дорога его пошла такой мѣстностью, гдѣ не было ни только работы, но даже и жилья никакого не попадалось.

День склонился уже къ вечеру, солнце спустилось уже за горку. Пріусталъ порядкомъ Максимъ, а отдохнуть ему приходится негдѣ. Время все шло своимъ обычнымъ чередомъ. Вотъ уже погасли послѣдніе отблески румяной вечерней зари. Стало совсѣмъ уже смеркаться и наконецъ таки совсѣмъ стемнѣло,—хоть глазъ уколи. Максимъ въ это время вошелъ въ лѣсъ и ему дѣлать было нечего, приходилось ночевать въ огромномъ шатрѣ, подъ высокимъ навѣсомъ, съ червонными звѣздочками, значитъ, подъ небомъ. На мягкой постелькѣ, на шелковой холодной муравѣ успокоился онъ скоро, подъ голову положилъ кулакъ, а подъ бокъ и. такъ. Случилось здѣсь съ нимъ небольшое приключеніе, а для него то гораздо большее значеніе имѣло это несчастіе. Въ котомкѣ была у него рубашка, кое какой плотничій

инструментъ, паспортъ, да еще кой-какая мелочь; онъ, когда ложился спать, ничего не опасаясь, положилъ эту сумку рядомъ съ собой.

А усталъ-то онъ порядкомъ, потому что шелъ цѣлый день безъ отдыху. Едва успѣлъ хорошенько улечься, какъ уже послышался богатырскій, здоровый храпъ его. Тутъ то ему начали грезиться золотые сны, всѣ его мечты осуществились во всемъ своемъ величіи и красотѣ, хотя и ложной, но все-таки ему милой и отрадной.

И долго можетъ быть проспалъ-бы онъ въ золотыхъ грезахъ, если-бы не холодная октябрьская ночь пробудила его. Онъ вскочилъ какъ встрепанный, стуча зубъ объ зубъ, какъ въ лихорадкѣ. Сильно его пробралъ холодъ, не выгодно спать подъ открытымъ небомъ въ эту осеннюю пору.

Но дѣлать было нечего, проснулся, видитъ —плохо. Вотъ побѣгалъ онъ, перекрестился и хотѣлъ идти, авось дорогой согрѣюсь. Хотѣлъ надѣть котомку, анъ глядь — котомки

нѣтъ. Видно ее чертъ утащилъ ночью въ тотъ золотой дворецъ, который онъ видѣлъ во снѣ, а можетъ и самъ позабылъ ее тамъ, когда ходилъ по всѣмъ комнатамъ и отдыхалъ на мягкихъ диванахъ. И сбылась надъ нимъ правдивая русская пословица: „будешь самъ плохъ, не дастъ Богъ", или другая, еще болѣе подходящая къ дѣлу: „береженаго и Богъ бережетъ!" А еще я вамъ почтенные, третью отъ себя скажу: „не клади плохо, не вводи вора въ грѣхъ", потому что „хорошему вору все впору"—онъ ни съ чѣмъ неразстанется. — Хорошо бы если вовсе не было воровъ; не бѣдствовать бы тогда Максиму, но видно такова его судьба! Я это говорю для того, чтобы сказать, какъ воры обижая человѣка, вводятъ его въ отчаяніе и что хуже того, въ острогъ, въ каторгу... но, они-то бываютъ-ли счастливы когда? разживутся что ли они съ чужаго добра?—нѣтъ! вотъ я и привожу примѣръ; что кто чужое беретъ, тотъ самъ втрое хуже обиженнаго живетъ, что его ожидаетъ горькая участь; о чемъ я вамъ ниже и приведу подробный разсказъ. А теперь слушайте дальше про Максима.

Онъ какъ и водится въ такихъ случаяхъ, поискалъ, поглядѣлъ кругомъ, нѣтъ его котомки! Мало ли проходило мимо его народу, когда онъ спалъ, а вѣдь недобраго человѣка достаточно и одного, чтобы утащить его котомку. Вотъ и остался Максимъ не причемъ, торговать кирпичемъ. Одна рубашка на немъ да за поясомъ топоръ, а перемѣниться нечѣмъ; да кромѣ того нѣтъ гроша за душой и паспорта.

Онъ постоялъ, подумалъ и вспомнилъ слова странника: а вѣдь онъ и правду говорилъ мнѣ! Лучше бы мнѣ съ нимъ разговориться по душамъ, да попросить его разумнаго совѣта; а я съ дуру-то прогналъ его; можетъ у него гдѣ и была на примѣтѣ работа, я бы теперь жилъ бы себѣ да жилъ спокойно; зарабатывалъ бы давно денежки; да и все бы у меня было цѣло? Но однако раздумывать ему было не подъ силу: во первыхъ, что онъ прозябъ сильно, а вторыхъ — ѣсть ему, какъ волку голодному до смерти хотѣлось; вотъ онъ и пошелъ дальше.

Приходитъ въ деревню, вынимаетъ топоръ изъ запояса, но не для того, чтобы рабо-

тать, а для того чтобы продать да купить себѣ хлѣбушка.

Такимъ то манеромъ Максимъ дуралей проѣлъ и топоръ, долго-ли проѣсть эти послѣдніе деньги? а послѣ вѣдь опять ѣсть надо. Вотъ и пошелъ онъ подъ окнами ходить да Христа-ради просить. Но тутъ дѣло не могло долго продолжаться такимъ образомъ, говоритъ пословица: повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить. Такъ и его добраго молодца схватили, руки окрутили да и отправили, какъ безпаспортнаго бродьгу, въ крѣпкія, богатыя хоромы, въ каменный острогъ. А тамъ ужъ извѣстное дѣло, компанія славная, народу много, и все люди хорошіе: кто воръ, кто разбойникъ, кто бѣглый, а кто головъ десятокъ оторвалъ на своемъ вѣку.

Всѣ они сидятъ, сквозь оконце въ рѣшотку глядятъ. Всѣ чаютъ движенія воды, т. е. награды ждутъ за добрыя дѣла!

Вотъ въ такую-то веселую компанію и попалъ нашъ Максимъ ротозѣй. А отъ чего бы кажись это? какъ онъ туда ухитрился попасть? очень просто—вѣдь онъ шелъ куда

глаза глядято. извѣстно всюду глядятъ: значитъ влюбился!

Вотъ слушайте теперь про другаго: Захаръ весельчакъ да насмѣшникъ понесъ свой коробъ не много полѣвѣе своего брата Максима фефела.

Несетъ себѣ да думаетъ: хоть бы какого нибудь болвана встрѣтить, я бы ему развелъ буки-то, а онъ бы, глядишь развѣсилъ ушки да водкой меня угостилъ!

Не успѣлъ онъ хорошенько подумать объ этомъ—глядь идетъ молодецъ, казакинъ на распашку, рубашка кумачная. фуражка на бекрень, сапоги смазные съ калошами. Идетъ да пѣсню залихватскую поетъ.

— Здорово, Еремушка. разудалая головушка!—заговорилъ Захаръ смѣхотворъ— али голова болитъ, и идешь похмѣляться? Или такъ повеселиться?

— А, здравствуй, другъ сердечный, — отвѣчалъ Захару молодецъ, — иду я не съ похмѣлья, а повеселиться не прочь, только, братъ, меня не Еремой зовутъ, а еще когда попъ. крестилъ то назвалъ меня Иваномъ, а Иванъ, не дай Богъ и вамъ!

— Да, бишь, Иванъ! — сказалъ Захаръ весельчакъ, подмаргивая по обыкновенію глазомъ. А самъ думаетъ, что товарищъ по мнѣ — видно сову по полету. Иванъ былъ дѣйствительно забубенная головушка и онъ тоже разомъ смекнулъ, что Захаръ-балагуръ его поля ягода; по колю видно, что четверть, а свой своему поневолѣ другъ.

Повелъ Иванъ Захара въ свою слободу богатую да веселую. Гдѣ всѣ мужики жили да не тужили, за нуждой въ люди не ходили, — своей довольно!

Промыслъ Захаровъ не мудреный, — только снаровка нужна: продать сережки медныя — взять денежки серебрсныя, спустить томпаковое колечко за чистое золото, а зеленое стеклышко въ перстнѣ — за изумрудъ самоцвѣтный.

А Иванъ въ это время торгъ сводитъ, да знакомыхъ приводитъ, могарычи да спрыски запиваетъ; а у самого торговца съ похмѣлья голова не болитъ.

Говоритъ пословица, что не великъ грѣхъ если ростомъ съ орѣхъ, и какъ къ маленькому грѣшку превыкнуть легко, а вѣдь боль-

шой грѣхъ отъ маленькаго всего на одинъ вершокъ отстоитъ, понимаете?

Ну и слушайте! Однажды Иванъ разудалая головушка, подмѣтилъ у одного купчины слободскаго кое какіе вещицы не крѣпко лежатъ: серебряныя чайныя ложки, вилочки да еще кое что остановился онъ, подумалъ немного, да потомъ безъ церемоніи и стянулъ ихъ къ себѣ въ карманъ, надѣясь на вѣрнаго своего друга Захара; дескать тотъ живо ихъ сбудетъ и концы въ воду, а если на грѣхъ и не удастся ему сбыть, такъ мнѣ-то чтожъ? мое дѣло сторона. Да онъ-же мнѣ и не сватъ, и не братъ, и не родственникъ какой?

Стянуть-то стянулъ, да концевъ и не прикрылъ; уличили обоихъ. Они было туда и сюда, да нѣтъ; не тутъ-то было, на цѣпь приковали?...

Такъ вотъ, почтенные, какъ за воровство то наказываютъ!

Максима дурака послѣ достаточнаго дознанія, что онъ не бѣглый, а праздношатающійся по своей глупости, изъ острога освободили, и домой проводили. А Захара б[illegible] лясника съ Иваномъ разудалымъ скова[illegible]

одними кандалами, такъ-какъ они были очень до серебра и золота падки, то и послали ихъ добывать это золото въ сибирскихъ горахъ. „Вотъ и мука ворамъ, по ихнимъ дѣламъ!"

Слушайте да понимайте!

У насъ на то законъ отъ батюшки царя данъ!

А про третьяго брата Ивана и не знаю что вамъ сказать, объ хорошихъ людяхъ и рѣчи хорошія. Онъ пошелъ себѣ путемъ дорогой да все одно и думалъ: дай, Господи, чтобъ мнѣ хорошій человѣкъ попался, который бы указалъ куда идти, чтобъ работки найти. Гдѣ попадается ему часовня онъ скинетъ шапку помолится, а церковь увидитъ поклонится. Вотъ и пришелъ онъ въ одну деревню,—смотритъ у окна сидитъ человѣкъ да одежду шьетъ, какъ и онъ — портной. Иванъ снялъ шапку поклонился и сказалъ: Богъ на помощь, добрый человѣкъ.

— Спасибо! — отвѣчалъ тотъ, и потомъ спросилъ:

— Ты тоже по нашему ремеслу промышляешь?

— Да, братъ! Кабы найти работки — изъ рукъ не вывалилось бы.

— Такъ зайди, братъ, сюда. у меня работка есть—можетъ и споемся.

Вошелъ Иванъ къ портному въ избу,—и тотъ объяснилъ ему, что у него есть работа, была-бъ охота: тотъ согласился и стали они вмѣстѣ работать, чужаго не брали, — рукъ не марали, утанное или украденное само-то уйдетъ да еще столько и за собою уведетъ.

И сталъ Иванъ тутъ работать, трудиться. Всѣ его полюбили отъ мала до велика, за простоту, доброту и честность. А когда пришлось около Святой уходить ему домой, такъ всѣ плачъ подняли, словно его въ сырую землю хоронили.

Онъ домой и кусокъ хлѣба принесъ и гостинцевъ и разныхъ подарковъ. А какъ пришла пора снова на заработки идти, — онъ прямо къ своему другу старому, портному.

И тамъ всѣ его съ радостью встрѣтили. Вотъ оно что!

Окончилъ Илья Хритонычъ сказку про двухъ братьевъ воровъ и дураковъ, а про третьяго честнаго, умнаго, и замолчалъ. Молчитъ Хритонычъ, молчатъ и мужъ съ женой, словно чего не дослушали. Не даромъ ждутъ они знаетъ мужикъ, что его сказка этимъ не кончится — а все чѣмъ нибудь хорошимъ онъ добавитъ ее, а безъ этого и конца не будетъ! И онъ не много помолчавъ, наконецъ сказалъ:

Всякій человѣкъ на бѣломъ свѣтѣ живетъ какъ по пути идетъ. Кто надѣется на свой собственный умъ-разумъ, тому горе. А еще хуже, если кто собьется съ пути, съ дороги, и будетъ жить не по Закону Божію, а по совѣту вражію.

Живите, братцы, какъ Богъ велитъ. Слушайте совѣта добрыхъ людей, убѣгайте зла и порока, помните заповѣди Божіи: любите другъ-друга и молитесь за ненавидящихъ васъ и гнетущихъ васъ.

А воровать главное не слѣдуетъ ни единой пустяшной вещи! помните, это главное, порокъ наказывается, а добродѣтель награж-

дается. А если моего совѣта не слушаете, хуже будетъ,—я вамъ скоро это докажу— живо въ острогъ посажу, понимаете?

Такъ закончилъ Илья Хритонычъ свою учительную сказку.

КОНЕЦЪ.